

1. ОТ ИМЕНИ ЕВРАЗИИ

Первым евразийцем был Александр Македонский.

Перед восточным походом Аристотель снабдил своего ученика географической картой, на которой был указан *конец мира*: его и тщился найти полководец.

При ошибочной установке – впечатляющий результат: охват культур, имеющий небывалую амплитуду.

И не только охват, но и синтез.

Подумать только: в Бактрии ваяют Будд, следуя эллинскому канону!

Быть может, это прозвучит странно, но для меня Олжас Сулейменов – на духовно-идейном плане – как бы сподвижник Александра Македонского, продолжатель его объединяющей миссии.

У миграции народов – свои диапазоны.

Интересно сравнивать их масштабы.

Думаю, что по этому критерию первенствуют два мира – финно-угорский и тюркский.

Казах Олжас Сулейменов – выдающийся русский поэт.

О ценностях тюркской культуры он говорит на языке, сформировавшемся в лоне славянского мира.

Это евразиец до мозга костей – не в декларациях, а в корневой сути.

Хочу оговорить следующее: под евразийством я имею в виду его первый извод – озарения молодых русских изгнанников. Когда-то я был первым публикатором их текстов в ещё советской России («Север», 1990. № 2). Всегда с интересом читал Л.Н. Гумилёва. Но к нынешнему неоевразийству отношусь настороженно – есть в нём псевдопатриотический уклон, чуждый в принципе основателям движения.

Третий Рим – это хорошо.

Но Олжас Сулейменов был послом Казахстана в *Первом Риме!*

Это весьма значительный – и символический, и симптоматичный – факт.

Вот новая ось – не политическая, а духовная: *Рим – Москва – Алматы.*

И Афины, и Валлетта, и Париж – города, с которыми непосредственно связана дипломатическая служба поэта.

Вообще все столицы мира!

Ось Олжаса Сулейменова *глобальней и универсальней* всех других.

Я бывал и таким,

Я бываю индийским дагором!

... Так я буду стоять, пряча руки,

у братских могил...

Я бываю Чоканом!

Конфуцием, Блоком,

Тагором!

Это кредо поэта.

Он космополит?

Если *да*, то с весьма существенной поправкой: мировое гражданство не предполагает у него усреднённости – обезличенности – энтропийного выравнивания.

Прочь идущих с ножницами и гребёнкой!

Казахское и русское соединились в Олжасе Сулейменове *нераздельно и неслиянно.*

Я сейчас говорю в терминах, относимых к Святой Троице.

Это пик диалектики.

Она у Олжаса Сулейменова не рассудочна – она растворена у него в крови.

Кто из нынешних поэтов так органично связан с древнерусской литературой?

Со «Словом о полку Игореве»?

Ценю Виктора Соснору.

Однако порой он соскальзывает в стилизацию.

Тогда как Олжас Сулейменов реально укоренён в начальных пластах русского слова – напрямую черпает из них энергию ритмов и тактов, ударений и интонаций – чудесно претворяет впитанное из древнего текста в нечто новое, считай авангардное.

Вокруг книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я», посвящённой «Слову о полку Игореве», шли горячие споры.

Да что дискуссии?

Блестящий трактат был запрещён в СССР – биография поэта включает годы опалы.

Поэт утверждал билингвизм Древней Руси – контрапункт в ней славянского и тюркского.

Их взаимопронизание.

Их срастание.

Разве такое может понравиться националистам?

В основу своего исследования поэт положил смелые этимологии.

Сколько тут копий было сломано!

Я на стороне Олжаса Сулейменова.

Изначально его корнесловие воспринималось мной сквозь призму А.А. Потебни.

Тот говорил о *внутренней форме слова*, выявляемой посредством вдумчивой этимологизации.

Это живая – растущая – форма.

Она обнаруживает удивительную подвижность и пластичность, допуская преобразования, чей результат – подчас весьма неожиданные метафоры.

Слово далеко уходит от собственных истоков.

Его первичные значения нередко оказываются прочно забытыми.

Надо их вспомнить!

Вывести из мрака забвения!

Разглядеть исходное под множеством поздних наслоений очень трудно.

Для этого нужна *интуиция*.

Нужен дар *эмпатии – вживания – вчувствования*.

Эти качества имманентны Олжасу Сулейменову.

Слово в своём генезисе – если следовать А.А.Потебне – есть плод поэзии.

Кто лучше поэта может познать эмбриологию слова?

Дадим пример этимологических штудий Олжаса Сулейменова.

Вот отрывок из «Слова»:

*Тогда вступи Игорь Князь въ злать стремень,
и поеха по чистому полю. Солнце ему
тьмою путь заступайте; ночь стонуши
ему грозою птичь у буди; свисть зверинь
въ стазби; дивь кличьть врѣху древа...*

Что означает слово *стазби*?

А.И. Мусин-Пушкин переводит: «*ревать звери стадами, кричить филинь на вершине дерева*». Подсказку ему даёт аллитерация – на наш взгляд, она идёт рикошетом, не затрагивая глубинных смыслов: *стазби – стада*.

Поэт цитирует и другие прочтения.

Наше внимание он останавливает на интерпретации М.А. Максимовича, расчленившего слово: *вста – зби*. Предлог «*в*» у него превращается в приставку.

Вста – встал.

Но всё-таки что означает *зби*?

Чуткий слух поэта услышал в нём значение, ускользавшее от других: «*В древнерусском языке есть похожее слово – зыбь – беспокойство, смятение. В современном – зыбь – колебание. Корень распространён в украинском, старославянском, словацком, сербском (в формах -зиб-, -зьб-, -зеб-, -зайб-)*».

В дословном переводе восстанавливается такая семантика:

*Птичий свист пробудился,
Звериное поднялось смятение.*

Это убедительно!

К тонким наблюдениям поэта хочу добавить некоторые соображения о приставке «*вз*», которая просматривается – или прослушивается – в загадочном слове.

Сочетание двух букв – «*в*» и «*з*» – создаёт мощную экспрессию.

Приставка образует слова, связанные с двумя значениями:

1) внезапность – резкость – напряжённость: *вздыбиться – взъяриться – взбрыкнуть*;

2) подъём вверх: *взметнуться – взвиться – взлететь*.

Обе семемы перекрываются – дополняют – усиливают друг друга.

Заметим, что в русском языке зафиксирован глагол *взыбиться* – он как нельзя лучше подходит для перевода места в «Слове о полку Игореве», проанализированного Олжасом Сулейменовым.

Речь в данном случае идёт никак не о тюркизме.

Наитье поэта способно высвечивать скрытые планы в русских словах любого происхождения. Олжас Сулейменов пишет: «*Я попытался применить перед этимологическим методом – структурный*». Думается, что прежде всего он применяет своё безупречное поэтическое чутьё – это совсем не лишний инструментарий для языковеда.

Обвинения поэта в пантюркизме нелепы.

Хотя в ценностной системе отсчёта любой *изм* – будучи проявлением свободного выбора – должен приниматься как субъективная данность, находящаяся вне обсуждения и осуждения.

Заслугой поэта следует признать то, что он – задолго до легитимизации Л.Н. Гумилёва – поставил вопрос о тюркской ноте в музыке истории.

Попытки заглушить эту ноту сегодня кажутся проявлением великодержавной дебильности.

Что было, то было.

Время, когда наши пращуры, не сумев одолеть внутреннюю рознь, оказались под восточным пригнётом, Л.Н. Гумилёв не считал вовсе потерянным: межэтническое и межконфессиональное общение стало закваской, подготовившей имперское вздымание будущей России.

Однако этот процесс был запущен много раньше Батыева нашествия.

Трижды к русской земле, колебля её, подкатывали тюркские волны.

Хазары – печенеги – половцы!

Эта череда похожа на цепную реакцию.

Что-то на её пути сгорало – что-то получало закал.

В первую очередь выигрывала широта мировосприятия.

Клио явно отказалась поддерживать претензии на этническую исключительность.

Она поощряла диалог.

Хазары: они дали нам актуальный и поныне урок веротерпимости – сохраняя память о своём родовом *Тенгри*, приобщились ко всем трём авраамическим религиям: эти исповедовали иудаизм – эти христианство – эти ислам.

Крымские караимы – потомки хазаров.

Грандиозный поэт Илья Сельвинский был караимом.

Пращуры его жили по Талмуду.

Печенеги: это к ним в 1007 г. – при благоприятствии князя Владимира – отправился с миссией Бруно Кверфуртский, апостол Пруссии, католик. Новообращённую паству успешно окормлял епископ, рукоположенный при сослужении древнерусских иерархов.

Было согласие!

Крестителя Руси мы вправе назвать *первым экumenистом*.

Сегодня подобной толерантности у нас на дух не переносят.

Половцы: отношения Руси и Поля, достигавшие экстремальных напряжений, в ретроспективе выглядят весьма мрачно – но вот просвет, кажущийся обращённым в будущее.

Мы имеем в виду битву на реке *Вигор* (она же *Вагра, Вягра*) в 1099 г.

Русские тогда выступили в союзе с половцами против венгерского короля Коломана (Кальман I Книжник).

Командовали ханы Боняк и Алтунопа.

Благодаря их исключительному воинскому искусству была одержана победа.

Нынче в этом полузабытом сражении видится нечто пророческое.

Как-никак, а это был первый случай, когда *Евразия* выступила против *Европы* – преходящий блок фактически был воспроизведён и закреплён, уже в огромных размерах, Московским Царством.

Русское и тюркское: тут были как резкие пересечения, так и унисонные параллели.

Олжас Сулейменов ощущает себя наследником совместных – весьма обширных – участков обоюдной истории.

В нём их диффузия – их живое переплетение.

Можно сказать, что *всемирность* Олжаса Сулейменова подготовлена генетически – отражает накопления этноса, чьи миграции имели небывалый размах.

Кочевое начало!

Оно помогает накапливать опыт *всевмещения*.

В подвижности тюрков есть что-то маятникообразное: от Востока к Западу – от Запада к Востоку.

С раскачиванием увеличивался обзор пространства.

Волга – Енисей!

Селенга – Дунай!

Мир открывался как единство в разнообразии.

Как *всеединство!*

Трижды мы использовали понятия, включающие в свой состав максималистскую приставку *все*.

Она кажется нам ключевой для понимания Олжаса Сулейменова.

Идёт кочевание.

Встречные племена то сметаются – то ассимилируются – то включаются в союзные отношения.

Последний случай напоминает *симбиоз*.

Наша евразийская империя – в лучшую пору существования – была *симбиотическим* образованием.

Хрупкие равновесия, симметрии, паритеты!

Шовинистские перекосы губили гармонию.

В Олжасе Сулейменове она живёт по сей день.

Поэт остаётся амбассадором и Тюркского каганата, и Золотой Орды, и Советского Союза.

Эхо многозвучного Турана звучит в его поэзии.

Не была ли муза поэта принцессой Турандот в своих прошлых воплощениях?

Я посетил Казахстан лишь один раз – в 1980 г.

Мне показалось: он совсем не похож на жухлую и вялую Россию – напоминал огромную тугую почку, готовую раскрыться.

Тогда моим любимым чтением были «Евразийские временники».

Почудилось: чаянья наших изгнанников начнут осуществляться здесь – под сенью Тянь-Шаня.

Страна-стык!

Страна-средостение!

Современные казахи несут в себе гены как европеоидного, так и монголоидного типа.

Сама природа подготовила здесь грядущий синтез.

Рериховская *Новая страна* пробрезжила мне в Казахстане 1980 г.

Олжас Сулейменов неисповедимо сумел посетить её.

Он и доселе ведёт репортажи оттуда.

В трудах Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого понятие Турана окружено особым ореолом.

Оно действует гипнотически – завораживает, притягивает.

Мог ли я в застойное время предполагать, что дойду до тех дней, когда появятся предложения переименовать родину Олжаса Сулейменова в Туран?

В 2010 г. поэт заявил: «*Казахстану опасно становиться мононациональным государством*».

Забудем ли Желтоксан?

Русский нивелир сломался на нём.

Для Олжаса Сулейменова неприемлема и противоположная крайность.

Монолиты – монополии – монологи: это не в духе поэта.

Он любит гетерогенное – разнообразное – многоликое.

В числе его любимых символов – *поликристалл*.

«Слово о полку Игореве» – из класса *поликристаллов*.

Как и поэзия нашего славного автора.

Как и взрастившая его Евразия.

Как и ноосфера Земли.

Как и космос.

Поэт-полифонист!

Бесспорный мастер *полиалога*!

В мире языков культуры – наипервейший *полиглот*!

Профессор Сорбонны Леон Робель назвал Олжаса Сулейменова «*преемником Гильгамеша*».

Меня поразило это сближение.

Не сразу я осознал его пронзительную точность.

Дело тут не только в том, что поэт успешно ищет связи между языками шумеров и тюрков – герой эпоса созвучен ему в своём глобализме.

О всё издавшем до края мира,

О познавшем моря, перешедшем все горы...

Поэт остаётся казахом, тюрком.

Вместе с тем его русскоязычие провиденциально.

Оно работает на евразийское единение.

2. ОЛОНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ОЛЖАСА

Далече до Казахстана.

Но Олжас Сулейменов подробно видит оттуда наш Север.

В уникальной модели мира, которую построил поэт, Олония заняла видное место.

Досконально изучая «Слово о полку Игореве», Олжас Омарович вышел на труды замечательного исследователя, жившего в провинции, – знали и ценили его немногие.

Цитируем книгу поэта «Аз и Я»:

«Но самый волнующий отклик получен от работника Псковского музея Л. А. Творогова, письмо которого о его поисках так называемого олонецкого экземпляра «Слова о полку Игореве» нельзя читать без волнения. Творогов сообщает, что проф. Троицкий в бытность свою воспитанником Олонецкой семинарии видел на занятиях в классе в руках у преподавателя рукопись, о которой этот преподаватель сказал: «Вот здесь содержится другой список «Слова о полку Игореве», но гораздо более подробный, чем тот, который напечатан». Но учитель вскоре умер, а рукопись куда-то исчезла».

Это интрига!

Леонид Алексеевич Творогов родился 20.03.1900 г. Первый раз посетил Псков в 1923 г. Потом окончательно переселился в старинный город – стал музейным работником.

В 30-е годы XX века Л.А. Творогов был репрессирован. Прошёл через Соловецкий лагерь. Находился на поселении в Карелии. Здесь и увлёкся «Словом о полку Игореве».

Ещё одна цитата из Олжаса Сулейменова, касающаяся Л.А. Творогова:

«Работая над текстом «Слова», Творогов очутился в 1923 году в Петрозаводске и там познакомился с одним из преподавателей Олонецкой семинарии, который подтвердил существование и характеристику рукописи».

Не надо ли здесь 1923 г. переправить на 1933 г.?
Вероятна опечатка.

Более поздняя дата лучше согласуется с биографией Л.А. Творогова.

Любимому Пскову он ставил в заслугу сохранение «Слова».

Учёный скончался 28.07.1978 г.

Поставленная им волнующая проблема ждёт своего разрешения.

Особо скажем об упоминаемом в тексте профессоре, обучавшемся в Олонецкой семинарии, – самовидце рукописи, обретение которой могло бы составить эпоху в отечественной филологии.

Иван Егорович Троицкий родился 18.04.1832 г. в селе Красное Пудожского уезда. Отец его был причётником. Ступени образования: Каргопольское духовное училище – Олонецкая духовная семинария – Петербургская духовная академия.

Получив степень магистра в 1859 г., вернулся в Петрозаводск: преподавал логику, психологию, патристику и латинский язык. Через два года был отозван в столицу. В 1884 г. занял кафедру истории и разбора западных исповеданий. Доктор богословия. Действительный статский советник. Редактор журнала «Христианское Чтение».

Советник обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева – фактически направлял восточную политику нашей Церкви, выступая в качестве её безусловного апологета: она во вселенском православии – первая, главенствующая.

Деятельнейший член Императорского Православного Палестинского Общества. Инициатор создания Русского археологического института в Константинополе.

Учредитель общества вспомоществования недостаточным студентам Санкт-Петербургской академии, в чью пользу оставил по завещанию все свои накопления.

Собирал материалы об олонецком архиепископе Аркадии.

Почил Иван Егорович 15.08.1901 г. Погребён на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Достойный человек!

Тень на плетень наводить не будет.

К его пусть и опосредованному свидетельству о рукописи «Слова» следует отнести с доверием.

Вдруг найдётся?

Поэт вдохновляет нас на поиск.

Не чужд ему наш край.

Приведём полностью северное стихотворение Олжаса Сулейменова:

В КАРГОПОЛЕ, ВСПОМИНАЯ ВЕСНУ

*...Суховеи-янычары,
отложите ятаганы,
осушайте маков чары –
маем полные стаканы!*

*Пусть на празднике Ярилы
задымит ярмо на дышле,
серость души якорила,
толпы «Я» в просторы вышли.*

*В рост идут невыносимые,
лопается лёд оков,
«Я» восходят, как озимые,
из-под холода веков.*

*В каждой лошадёнке снулой
встрепенулся конь Пегас,
в каждом карасе проснулась
золотая рыба язь.*

*Заштормило тихий пруд,
волны «Я» на берег прут,
на траве глубинный дар –
пламенеющий янтарь.*

*В лоск бусой, от света пьяный,
угрожая и моля,
из булыги лезет яхонт –
ослепительное «Я».*

*«Я» желает миру лучшего,
помогает несчастливому,
каждому, в морях заблудшему, –
голубя и лист оливы,*

*каждой женщине – по яблоку,
всем Орфеям по дельфину
(тонушим подставить спину),
кто не понял, тем –
по ялику.*

Чудесные стихи!

И ведь загадочные.

Лучше их воспринимать суггестивно – не требовать аналитического комментария.

Ярило в Каргополе: почему?

Это М.М. Бахтин хорошо объяснит.

Стихи передают раскованность любимого им карнавала.

Понятие западное?

Заменим его масленицей, где славился Ярило.

Или ярмаркой.

Строфы наполнены всклень энергией язычества.

Три слова подряд у нас начинаются с эгоцентрической буквы «Я».

Личностное начало процвело на наших широтах – ярко раскрылось в былинах, в деревянном зодчестве.

Уравниловка не про нас.

Не терпим тенёт.

Рвём повода.

Любим волю.

Для Русского Севера характерно двоеверие.

Народные праздники со всей очевидностью проявляют сей феномен.

Олжас Сулейменов скоморошествует в своих стихах.

*Девка выскочила, глаза вытарацила;
Девка-дура, девка-дура пошла к старосте на думу:
«Уж ты, дядя староста, рассуди пожалуйста!»
Староста умён, праву рученьку отвёл,
Девку по уху оплёл.*

Это из скоморошины «Хмель».

Резонанс впечатляет.

Один камертон!

Античные аллюзии – Пегас, Орфей: откуда это? Северная Русь стала восприимчивой многих архетипов эллинской культуры.

Но и Восток она любит.

Не случайно Николай Клюев назвал её «Белой Индией».

Для стихов любимого поэта я подобрал иллюстративный ряд из своих коллекций.

*Ю.С. Ушаков.
Ярило. 1965.
(Из коллекции
Музея Русского Севера)*

*Ю.С. Ушаков.
Ярило-конь. 1969.
(Из коллекции
Музея Русского Севера)*

3. ПОДПИСЬ К ПОРТРЕТУ

Один раз я видел Олжаса Сулейменова живьём. Примерно вот таким, как на этой фотографии. Это весьма значимое для меня событие имело место в общежитии Литинститута на Добролюбова, 11. Шёл 1962 г.

Тогда поэт милое его сердцу место посетил транзитом.

Коллизия тут такая: Олжас Сулейменов проучился на переводческом отделении три года – но гагаринской весной 1961 г. его отчислили за драку.

Он вернулся в Алма-Ату.

И вскоре прогремел поэмой «Земля, поклонись человеку!».

*Ты, Земля,
Меня женщиной встретила
Молодой,
Смуглолицей, как Валя,
Скорее увидеться с ней бы!
Луга, покачавшись,
Легли под ногами
Тропой,
Продолжением той,
Что ещё не остыла в небе...*

Я поступил на то же отделение того же института в сентябре того же 1961 г.

Так что мы разминулись.

Олжас Сулейменов. 1960-е годы

У нас был общий руководитель – Лев Адольфович Озеров.

Стихи Олжаса я узнал ещё в 1959 г. по подборке, которая была напечатана в «Литгазете» с напутствием Леонида Мартынова.

Навсегда врезались в память эти строки:

*Приехал я в край, где лишь пихты и ели,
Где ели от тяжести неба присели,
В землянку вошёл с рюкзаком за спиною,
Вошёл, полметели втащив за собою...*

У кого-то я взял почитать – и благополучно замотал – книгу Олжаса «Солнечные ночи» (1962).

Она и сегодня – среди любимейших.

*Край росистых лесов
и глазастых коней,
россыпь рубленых сёл,
городов изваянья,
и брусничные ночи,
и россыпь огней.
Росомашьи размашистые расстоянья.*

Поражало всё: мощь экспрессии – яркость майоликовых красок – сама текстура, кладка стиха.

Я процитировал стихотворение «Русь Врубеля».

А вот «Пейзаж»:

*Развешаны картины Левитана
в лесах;
река холодная горит...*

Приверженность поэта русской культуре очевидна.

Но в стихах горячо и порывисто дышит Азия!

Будто две реки сливаются вместе – и поэт является их стрелкой.

Это соединение и нынче мне кажется какой-то мистерией, таинством.

Олжас был в белой рубашке.

Лёгкий, быстрый!

Будто стрелу из лука выпустили.

Может, что-то исказилось в памяти, но вижу такое: Олжас держит в руках винный набор.

Три бутылки коньяка?

Целлофановое покрытие сверху?

Очень хотелось выпить с ним.

Но не довелось.

Давно завязал.

Однако от стихов поэта и сейчас хмелею.

Крепкие, забористые!

Обжигают гортань.

Юрий Владимирович ЛИННИК

родился в 1944 году в Беломорске.

Ученый, доктор философских наук,

профессор КГПА,

автор многих книг стихов и прозы, искусствоведческих книг,

книг для детей о природе.

Член Союза писателей с 1970 года.

Живет в Петрозаводске.

